

Бердников Г.

А. П. Чехов. Идейные и творческие искания. – Л.: Художественная книга, 1970. – С. 354 – 357

«Горе». «Скрипка Ротшильда»

Так воскресает еще одна важная тема раннего творчества писателя. Однако и она возрождается на новом уровне, обогащенная его творческими достижениями истекших лет. Это легко увидеть, если сравнить рассказы «Горе» (1885) и «Скрипка Ротшильда» (1894).

В этих произведениях много общего. И там речь идет о русском мастеровом человеке, на которого внезапно обрушилось горе. Каждый из них неожиданно теряет жену, а вслед за тем вынужден подводить итог своей жизни. И этот итог у обоих оказывается одинаково неутешительным. Жизнь прошла не так, как следовало бы, глупо и бестолково. К этой мысли приходят и токарь Григорий Петров и гробовщик Яков Иванов, прозванный Бронзой. Кое в чем Бронза почти буквально повторяет своего предшественника. Как и Григорий Петров вспоминает, что «за всю свою жизнь... ни разу не пожалел Марфы, не приласкал. Пятьдесят два года, пока они жили в одной избе, тянулись долго-долго, но как – то так вышло, что за все это время он ни разу не подумал о ней, не обратил внимания, как будто она была или собака». Вместе с тем размышления Якова о прожитой жизни значительно глубже. Мысли, которые донимали и токаря — о скоротечности жизни, непоправимости навалившегося несчастья, — для Бронзы лишь составная часть раздумий о несовершенстве и неразумности не только прожитой им жизни, но и жизни людей вообще.

Интересно художественное построение этой центральной части рассказа. Бронза — человек темный, всецело находящийся под влиянием мещанского, собственнического представления о смысле, цели и содержании жизни. Поэтому больше всего его волнуют меркантильные соображения. «Яков, — пишет о нем Чехов, — никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки. Например, в воскресенья и праздники грешно было работать, понедельник — тяжелый день, и таким образом набиралось около двухсот дней, когда поневоле приходилось сидеть сложа руки. А ведь это какой убыток!» Без конца вынужден был Бронза терпеть и другие убытки. Вот и Марфу он всегда бранил именно за убытки и даже запретил ей пить чай ввиду больших расходов, так что она пила только горячую воду.

Не может Яков отделаться от мыслей об убытках и теперь, когда он подводит итоги всей своей жизни. Припомнил он, что когда-то, пятьдесят лет тому назад, они с Марфой сидели частенько у реки под вербой, пели песни, и был у них белокурый младенец. Но и вспомнив это, Яков сейчас же начинает думать об убытках. Ему кажется странным, что за пятьдесят лет он ни одного раза не был на реке, а если и был, то никогда не обращал на нее никакого внимания. Между тем на реке можно было бы и рыбу ловить, и гонять барки, и разводить гусей. И все это он прозевал, так что позади остались одни потери.

И все же мещанин Бронза — человек, причем, как и его предшественники из рассказов Чехова восьмидесятых годов, — незаурядный человек. Об этом свидетельствует его музыкальный талант. Свое горе, свою неудовлетворенность жизнью Яков высказывал не только в жалобах на убытки, но и играя на скрипке.

А скрипка пела именно о неудавшейся жизни, о тоске по жизни настоящей, содержательной, человеческой, очищая думы Якова от их мещанской шелухи.

Этот глубокий человеческий смысл жалоб Якова и стремится передать в рассказе Чехов. С этой целью он вновь использует тот художественный прием, который положил в свое время в основу рассказа «Счастье». Вновь перед нами два плана. На поверхности — мещанские жалобы на убытки, в подтексте человеческая скорбь по поводу не только бессмысленно

прожитой жизни, но и ее странного, противоестественного устройства. «И почему, — думает Яков, — человек не может жить чтобы не было этих потерь и убытков? Спрашивается, зачем срубили березняк и сосновый бор? Зачем даром гуляет выгон? Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? Зачем Яков всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу». Так слово *убытки* приобретает иной смысл. Поначалу это жалобы на утраченные рубли и копейки, жалобы, переданные Чеховым с добродушной, мягкой иронией, но постепенно ирония исчезает, и мы незаметно для себя начинаем думать о совсем других *убытках*, о тех потерях, о тех несчастьях, которые приносит человеку строй господствующих отношений. Так поступает Чехов и дальше, передавая мысли Бронзы. «Идя... домой, — рассказывает Чехов, — он соображал, что от смерти будет только польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку - убыток, а от смерти — польза. Это соображение, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая дается человеку только один раз, проходит без пользы?»

Эту большую человеческую тоску и выразил Бронза в предсмертной импровизации. Когда после смерти Якова его мелодию стал играть Ротшильд, то люди, слушая ее, всегда плакали. «И эта новая песня, — говорит Чехов, - так понравилась в городе, что Ротшильда приглашают к себе наперерыв купцы и чиновники и заставляют играть ее по десяти раз».

В «Скрипке Ротшильда» Чехов ставил перед собой сложную задачу. Художественная правда требовала, чтобы писатель постоянно оставался в рамках внутренних возможностей своего героя, говорил и думал в его духе. Отсюда наивный тон, примитивная форма мышления, лишь слегка оттеняемая мягкой иронией автора. Тончайшие переходы от обывательского взгляда на жизнь мещанина Бронзы к авторским размышлениям о ее несовершенстве были сделаны с величайшим искусством. Однако мысли автора при этом не могли быть выражены с необходимой полнотой. Такие возможности открывались в другом произведении — рассказе «Учитель словесности» (1894).